

Однако такое жилище наверняка стоило недешево, и Цяо Юнь сильно переживала насчёт квартплаты.

Госпожа Ван заметила её нерешительность и предложила:

— Я вообще собиралась продать этот дом целиком за пятьдесят гуаней. До причала здесь рукой подать, так что пятьдесят гуаней — цена поистине невысокая. Если у тебя сейчас нет всей суммы сразу, можно платить по частям. Я возьму с тебя меньше арендной платы — четыреста вэней в месяц. Когда накопишь пятьдесят гуаней, сможешь выкупить его окончательно.

Цяо Юнь подавила бушевавший в груди восторг, с трудом сделала вид, что раздумывает над предложением с полным спокойствием, и кивнула:

— Пусть будет так. Мне еще нужно найти мастера, чтобы смастерить столы со стульями, да и навести здесь порядок.

Видя, как легко и решительно согласилась Цяо Юнь, госпожа Ван прониклась к этой молодой женщине ещё большим расположением.

Характер у этой девчушки пришёлся ей по вкусу!

— Тогда пойдём со мной, составим договор аренды.

Тут же приведя Цяо Юнь в собственную лавку, она лично взялась за кисть и в двух абсолютно одинаковых экземплярах вывела арендную грамоту, после чего достала чернильную подушечку и передала Цяо Юнь закладную на дом.

Увидев это, Цяо Юнь невольно восхищённо цыкнула языком.

Неужели в древности тоже подписывали договоры при аренде жилья?

А может, просто сам мир, куда она попала, оказался несколько иным?

Цяо Юнь не стала забивать себе голову подобными пустяками, ловко оставила отпечатки пальцев на обоих документах, забрала один экземпляр арендной грамоты вместе с закладной и прихватила ключи от входной двери.

Вручая Цяо Юнь закладную и ключи, госпожа Ван почувствовала легкую грусть в душе.

Когда-то это был её родной дом, где она выросла. После её замужества братья по матери получили службу в уездном управлении и перевезли всю семью в Тайюань, оставив её одну в

Цюйво.

Хорошо хоть отец с матерью оставили этот небольшой дворик ей.

А теперь в нём будут жить чужие люди.

Этой молодой женщине тоже приходится несладко, а в народе говорят: встреча — уже судьба, так что в будущем надо будет приглядывать за ней!

— Если в дальнейшем у тебя возникнут какие-то неудобства, смело приходи к Большой тетушке.

— Тетушка Ван, а вы не подскажете, кто из плотников или каменщиков в уезде считается лучшим? Я впервые берусь за такие дела и совершенно не представляю, с чего начать.

— Конечно! Если ты здесь еще не освоилась, хочешь, я помогу тебе связаться с ними?

— Не нужно, спасибо, тетушка. Вы и так столько для меня сделали, как я могу снова вас утруждать? Возвращайтесь-ка в лавку, дальше я справлюсь сама.

Цяо Юнь старалась выглядеть послушной и рассудительной, что еще больше расположило к ней госпожу Ван.

Выйдя из лавки сухих товаров, Цяо Юнь прижала к груди новенькую, еще не остывшую закладную, но не спешила отправляться на поиски плотника.

Самым срочным делом было обустроить место для ночлега.

Этот дворик был поистине старым, старым и пустым, в нем не хватало абсолютно всего.

В главной комнате, помимо накопившейся за годы серой пыли, не было ничего — пустота.

Это жилище простаивало по меньшей мере лет тридцать. Правда, госпожа Ван время от времени заглядывала сюда и убиралась, поэтому пыль не успела лечь толком.

Госпожа Ван долго ломала голову над тем, под что бы приспособить это место. Кое-какая старая мебель уже сгнила, и она разобрала её, годный лес продала плотнику, а трухлявые деревяшки просто выбросила.

Однако даже после разборки она так и не придумала, что здесь делать. Продавать по-настоящему было жалко, вот дело и тянулось до самого последнего времени.

Лишь встретив Цяо Юнь, госпожа Ван решилась сдать пустующий полжизни дом.

Для Цяо Юнь отсутствие мебели оказалось только на руку.

В конце концов, это её первое собственное уютное гнёздышко, и обустроить его так, чтобы самой было комфортно — дело чести.

Во дворе нашелся колокол, точнее, колодец. Цяо Юнь вытащила целое ведро воды — вода оказалась на редкость чистой и звенящей, похоже, местные колодцы во всем уезде были связаны едиными подземными жилами.

Как раз вовремя, чтобы отмыть дом.

Цяо Юнь завязала завязки рукавов, подобрала полы юбки и завязала их узлом на коленях, после чего принялась за работу.

Благодаря отсутствию мебели объем работы у Цяо Юнь оказался небольшим. Ей требовалось лишь протереть дощатый пол да оконные переплёты. Кухонная печь тоже не доставила хлопот: сложенная из глиняных кирпичей, она не нуждалась в мытье, хватило лишь пройти по ней веником, сметя пыль.

Закончив уборку, Цяо Юнь вошла в игру и с помощью ремесла плотника создала несколько предметов мебели, отправив их в рюкзак.

Стоило лишь мысленно представить, где именно должен стоять тот или иной предмет, и извлечь его наружу, как мебель сама вставала на нужное место.

Ужасно удобно!

Широкая кровать с резными столбиками расположилась в углу комнаты — ей нравилось ощущение простора, когда можно вволю кувыркаться в одиночестве на большой постели.

Сейчас стояла лютая зима, и к постельным принадлежностям следовало отнестись со всей серьёзностью.

Толстые хлопковые матрасы были уложены в два слоя, а сверху настелена простыня, благодаря чему на ощупь кровать почти не отличалась от матрасов из её родного времени — мягкая, упругая, средней жесткости. В ногах легла толстая, пушистая пуховая перинка, одновременно тёплая и лёгкая.

В эту эпоху хлопок был редкостью, и не каждая семья могла позволить себе хлопковые матрасы, но Цяо Юнь не собиралась экономить на комфорте: раз хлопковый матрас дарит

тепло, значит, она будет спать на нём.

В конце концов, вряд ли кто-то станет заходить в её дом и укладываться на её кровать, верно?

У стены, к которой примыкала кровать, было прорублено окно: в дождливые или снежные дни она сможет заворачиваться в одеяние, устроившись на лежбище, и засыпать под звуки дождя, одно представление об этом сулило великое блаженство!

Рядом с ложем встал туалетный столик, покрытый лаком суфан. В нем имелось потайное отделение, напоминающее современные комоды со встроенными шкатулками: стоило приподнять крышку, как на её внутренней стороне открывалось гладкое медное зеркало, а в ящичках удобно размещались крема и пудра, что делало наведение макрая невероятно простым.

Там же нашлось место для резного столика из тунгового дерева в комплекте с двумя такими же табуретами. За ним можно было ежедневно обедать, пить чай или принимать гостей.

Хотя пока она вовсе не представляла, кто вообще может заглянуть к ней в гости.

Разве что тетушка Ван?

В любом случае, лишний раз протереть один стул не трудно, её это нисколько не тяготило.

Письменный стол из древесины тутового дерева в паре с плетеным креслом из падуба на подлокотниках занял место у окна в другом углу комнаты. Освещение здесь падало отличное, так что читать и писать днем можно было без напряжения для глаз и без дополнительных светильников.

Кроме того, нашлись платяной гардероб из древесины грушевого дерева с узорами в виде переплетенных побегов, книжная полка из падуба, а также кастрюли, чашки, плоски, палочки для еды, угольная жаровня, грелка для постели и прочая утварь. После недолгих хлопот помещение наконец приобрело вполне пригодный для жизни вид.

Разобравшись с обустройством, Цяо Юнь отправилась на постоянный двор, чтобы сдать комнату.

Не теряя ни минуты, она отыскала упомянутого госпожой Ван плотника и заказала шесть комплектов столов и стульев. Стулья были длинными скамьями, на каждой из которых могло поместиться двое взрослых. Для столь скромного помещения большего количества мебели не требовалось, но и этого хватало с избытком.

В кармане оставалось чуть больше гуаня, и она, сбив ноги от беготни, поспешила в лавку родственников госпожи Ван, где купила десять пустых фарфоровых коробочек, а также бамбуковые корзины, пароварки, чайник и прочие необходимые мелочи.

Нельзя же было тащить абсолютно всё из игры.

Уезд был маленьким, соседи чуть что любили собираться кружком под раскидистым деревом на перекрестке, чтобы посплетничать. Сейчас стояла зима, и на морозе никто подолгу не засиживался, но недаром говорится: дальний родственник хуже ближнего соседа, так что со временем ей неминуемо придется сойтись с местными жителями.

И если однажды соседи заведут о ней разговоры и кто-то вдруг припомнит, что за всё время ни разу не видел, как она ходит за покупками — беды не оберёшься!

В заботах и хлопотах два-три часа пролетели как одно мгновение, по современному времени приближаясь к шести часам вечера.

Цяо Юнь даже почувствовала некоторое облегчение: в древнем счислении времени она совершенно не разбиралась. К счастью, внутриигровое время шло синхронно с внешним миром, к тому же в интерфейсе можно было открыть системные настройки и посмотреть привычные двадцатичетырёхчасовые часы.

Заботливые разработчики даже добавили рядом с цифрами подсказки, какому часу и страже соответствуют текущие минуты.

Зимой в шесть часов вечера темнота наступала уже давно.

Закрутившись в мыле, Цяо Юнь совершенно выбросила из головы старика У по прозвищу Шестой.

У Шестой, закончив менять подкову своей любимой ослице, долго метался у ворот уездного города, тщетно выискивая Цяо Юнь, и изнервничался до такой степени, что губы покрылись сухой коркой. Он даже заглядывал в уездные лавки портных и торговцев солью — нигде никаких следов Цяо Юнь.

Пропала, пропала! Девчонка точно заблудилась!

Он горько раскаивался в содеянном, с досадой притопывая ногами.

Знал бы, ни за что не отпустил девчонку одну толкаться в толпе!

Лавка госпожи Ван находилась в богатом районе, куда покупателями в основном хаживали служанки из состоятельных семей. По разумению У Шестого, отправляясь за шёлковыми нитями, Цяо Юнь должна была заглянуть в те самые лавки на главной улице, куда деревенские всегда ходят в базарные дни, и ему даже в голову не пришло искать её в квартале богачей.

Видя, как сгущается мрак и из окон каждого дома доносится аппетитный запах готовящейся еды, он понимал: еще чуть-чуть, и возвращаться в темноте станет совсем опасно.

У Шестой одновременно испытывал сильный голод и тревогу, фонаря при нем не было, а передвигаться по ночной дороге — удовольствие сомнительное. Не оставалось ничего другого, как с тяжёлым сердцем погнать повозку обратно в деревню Байхэ.

Эх, придётся сначала доложить обо всем этой старухе Люй.

По правде говоря, У Шестой не водил близкого знакомства с госпожой Люй.

Та отличалась невероятной скупостью: покупая у человека пучок зелени, она могла бесстыдно потребовать в придачу еще один стебелек лука.

У Шестого держал в деревне Байхэ единственный на всю округу каменный жернов и по доброте душевной никогда не брал с односельчан плату за помол зерна.

Однако деревенские люди тоже знают цену чести: раз У Шестой отказывался брать деньги, они отправляли его полуслепую старуху-жену помогать по хозяйству с шитьем и стиркой; во время жатвы подбрасывали ему солому и стебли гаоляна на корм скотине; а временами, когда кто-то готовил мясо, несли ему мисочку гостинца или целую бадью наваристого бульона — в общем, за пользование жерновом долг возвращали сполна.

Подобный обмен любезностями считался в порядке вещей.

Только госпожа Люй обладала бесстыдством не давать взамен ровным счетом ничего, не имея с ним никаких других дел, кроме как одалживать жернов.

Поэтому У Шестой откровенно презирал её натуру и избегал лишних контактов.

Но сейчас не оставалось выбора: как бы ни был противен этот человек, а идти к ней придется.

Хотя старуха Люй приходилась девчонке мачехой бабки, супруги Цяо относились к ней как к родной матери, да и старшая дочь семьи Цяо называла её бабушкой уже целых десять лет. Как бы ни складывались отношения в будни, сейчас речь шла о пропавшем ребенке — происшествии чудовищной важности. Родители девочки только что умерли, и сорок дней траура еще не прошли, вряд ли у неё хватит совести остаться в стороне и сделать вид, будто её это не касается!